

18+

АЙГУЛЬ
АЛЬЖАКСИНА

*Хорошо,
что он вернулся*

Айгуль Альжаксина

Хорошо, что он вернулся

<https://litres.ru/74374809>

ISBN 9785007103619

Аннотация

Эта книга-память о тех, кто жил на этой земле, верил, любил, рожал детей, сеял хлеб и защищал свой дом. Прототипом героев стали реальные люди — Амерхан и Салиха Сарбасовы, жившие в маленькой деревне Озерки, расположенной на берегу реки Чарыш в Шипуновском районе РФ. Книга вместила небольшой отрезок жизни — зарождения семьи, ее становление, испытания и победы.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Айгуль Альжаксина

5

Конец ознакомительного фрагмента.

52

Хорошо, что он вернулся

**Айгуль Дюсенбаевна
Альжаксина**

© Айгуль Дюсенбаевна Альжаксина, 2026

ISBN 978-5-0071-0361-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Айгуль Альжаксина

Хорошо, что он вернулся

Аннотация: Эта книга-память о тех, кто жил на этой земле, верил, любил, рожал детей, сеял хлеб и защищал свой дом. Прототипом героев стали реальные люди — Амерхан и Салиха Сарбасовы, жившие в маленькой деревне Озерки, расположенной на берегу реки Чарыш в Шипуновском районе РФ. Книга вместила небольшой отрезок жизни — зарождения семьи, ее становление, испытания и победы.

Мария Омар — казахстанская писательница, автор бестселлера «Мед и немного полыни»:

Что испытали наши бабушки и дедушки, и как им хватило сил выжить, чтобы продолжить род, чтобы мы родились? Каждый раз, когда читаю и слышу семейные истории, я размышляю об этом.

Эта книга написана о, казалось бы, обычных людях с обычной для своего времени судьбой. Они верили в то, во что многие из нас уже не верят. Делали то, что кажется нам непосильным. И, оставаясь мужьями и женами, отцами и матерями, сестрами и братьями, на самом деле были героями.

И если хоть кто-то сегодня прочитает их историю и почувствует ее сердцем, о чем-то задумается, значит, цепочка

чего-то важного и человеческого не прервется.

Предисловие

Хорошо, что он вернулся, дед мой с той далекой, страшной кровопролитной войны. Вернулся, отшагав тысячи километров по своей земле, окропляя ее кровью, и по чужой, чтобы очистить ее от нечисти, присвоившей себе право казнить или миловать. Шел и шел все дальше и дальше от дома, закинув скатку на плечо, с думами о родных, которых оставил дома. Шел с надеждой на победу и скорое возвращение домой. И вернулся...

Очень долго мы искали данные о нем в различных военных документах, в списках героев войны, в списках награжденных, и нашли совершенно случайно, добавив две буквы к имени. Красноармеец Сарбасов Амерхан Назарович превратился в военных документах в Амерканда.

Его история началась с голодных 30-х годов, когда он, прихватив молодую жену, ушел, куда глаза глядят, туда, где было сытно. Землей, давшей приют, стал для них Алтай. Они оглянулись и поняли, что приютили их русские люди, так и стали жить — одна казахская семья в окружении русских соседей. Видя неумение казашки сажать огород, ухаживать за ним, соседки начали учить ее. Дед стал работать в колхозе, а бабушка растила детей — дочку и сына, выращивая овощи и общаясь с односельчанами, при этом не говоря по-русски.

Война пришла в дома мирных людей, ломая привычный

уклад и принесся горе. Мужчины, как и во все времена, встали на защиту своей земли, а женщины заняли их места. Моя бабушка Салиха, оставив маленьких детей дома, села в кабину трактора.

Каждый вечер она приходила домой и видела глаза голодных ребятишек. Тогда она закрывала плотнее занавески на окнах, делала детям знак: молчок! И... высыпала из сапога зернышки пшеницы. Этим и спасались — самой вкусной едой была, конечно, каша, если находилась хоть капля молока. Однажды, идя с поля домой, и привычным движением обдирая колоски, услышала за спиной голос бригадира. Он заставил ее разуться и шепотом начал кричал:

— Ты понимаешь, что ты делаешь? Тебя расстрелять могут и меня вместе с тобой по законам военного времени. Никому не рассказывай и больше такого не делай, если не хочешь осиротить своих детей.

Покивала покорно и... продолжила собирать колоски, спасавшие семью от голода.

Но не только от голода могла умереть моя бабушка, тяжелый труд и неумение управлять трактором чуть не стали причиной беды. Однажды из-за искры загорелся трактор, она выскочила из кабины, когда на ней уже полыхала одежда. Ожоги были ужасные, она каталась по земле и кричала от боли. Одна в огромном пшеничном поле рядом с горящим трактором. Отлежавшись, с обожженными руками пошла она в село. Был суд, но благодаря механику, убедивше-

му суд в том, что трактор был неисправен, бабушку оставили в покое.

И еще четыре долгих года войны работала она на полях и фермах колхоза.

А в это время дед мой шагал по пыльным дорогам войны, уверенный, что к осени разобьют фашистов и он вернется к детям своим и жене. И не знал он, обычный колхозник, что ждут его и подвиги, и поражения.

Попал он в действующую армию жарким июлем 1941 года, было ему 29 лет. Как он стал связистом, история о том умалчивает, не нашлось архивных документов, но, как говорят фронтовики, война всему научит. Так и стал мой дед связистом минометной роты Первого стрелкового батальона 1315 стрелкового полка 173 Оршанской дивизии. Так всю войну — то ползком, то пешком, но прошел, выстоял.

Многие километры мерял землю сапогами дед мой. Увидел и Москву, представшую перед ним не безоблачно-сияющей, как рисовалось в той далекой, мирной жизни, а насто-рожившейся, ошетилившейся и собравшейся перед грозными временами. Побывал и в Беларуси, и в Украине. А пока шел, налаживая связь, достал-таки фашист его пулей. Приполз дед в землянку, нога онемела, сапог полон крови. И выпал ему солдатский отпуск — отправили в госпиталь, дали дух перевести от свиста пуль и снарядов. Подлечившись, пошел догонять своих товарищей, и вновь потянулись фронтовые дороги, вновь их убивали, но так и не смогли убить.

Второе ранение было куда как серьезнее — контузия и ранение головы. На этот раз провалялся дед в госпитале долго. А пока лежал на чистых простынях, вспоминал тот бой, участие в котором назвали потом подвигом.

Из документа: «В боях по уничтожению окружной группировки противника под городом Минск, он проявил себя смелым, храбрым воином, уничтожил один ручной пулемет противника, убил 8 немецких солдат и 4-х немцев взял в плен. Достоин награждения правительственной наградой орденом «Красная звезда».

За личный подвиг военное руководство наградило его более высокой наградой — орденом Славы III степени.

Из документов: В ходе Белорусской наступательной операции («Операция Багратион»), 173 стрелковая Оршанская дивизия в составе 71 стрелкового корпуса 31 армии 3 Белорусского фронта отличилась в боях за освобождение города Минска, за что была удостоена ордена Красного знамени, а ее стрелковые полки -1311 стрелковый полк, 1313 стрелковый полк, 1315 стрелковый полк получили почетные наименования «Минский».

В марте 1945 года его дивизия в составе Белорусского фронта участвовала в боях на Земландском полуострове. В приказе личный состав дивизии за отличные боевые действия получил благодарность Верховного Главнокомандующего.

Но на этом война для моего деда не закончилась. 9 мая Великую Победу он встретил в Кенигсберге. Затем была долгая война в Чехословакии, где фашисты еще поднимали голову. И лишь в начале 1946 года он вернулся домой. А в 1949 году родилась моя мама, которая дала жизнь мне, а я своим детям. Хорошо, что он вернулся...

Саида стоит у калитки и смотрит вдаль. «Скрип-скрип, скрип-скрип», — стонет калитка. Уставшими руками Саида, полусогнувшись, пытается ее выровнять, однако та, при малейшем порыве ветра заваливается вновь, своим скрипом пытаясь разбудить маленькое село, спрятанное между вековыми деревьями. «Қайдасың, сүйіктім? Бұл сұм соғыс бітті, ал сен әлі бармайсың»¹ шепчут ее губы.

¹ Где же ты мой ненаглядный? Эта проклятая война уже кончилась, а ты все еще не идешь) шепчут губы молодой женщины.

Саида

Саида, по привычке откинув косы за спину, смущенно улыбнулась. Этот парень, каждый вечер стороживший ее у старого тополя, тревожил и смущал. «Қандай әдемі жігіт»², — думала она. Он ей приглянулся: высокий и белолицый, крепко сложенный, с длинными крепкими руками, Амир нравился многим девушкам. Его внимания добивались даже молодухи, украдкой бросавшие на него взгляд, а он как будто и не замечал никого. Его сердце было равнодушно к чарам всех красавиц. Дочь муллы Алима — самая богатая невеста аула, не раз подговаривала свою женгей³ привести парня на сауық кеш⁴. Саму-то отец не отпускал в это «скопище развратников и богохульников», как называл он собрания молодых коммунистов и двух комсомольцев, принятых на общем собрании. Одним из этих принятых был Амир. А папаша Алимы при этом еще и плевался во все стороны, проклиная и новую власть, и этих голодранцев, которые стали теперь бастыками⁵. Алима, конечно, боялась послушаться отца, однако попыток захомутать такого парня не оставляла. Да что там Алима, даже токал⁶ старого Толена, красавица Айганым, выданная замуж против воли и терпевшая унижения

² Какой красивый парень

³ Жену старшего брата

⁴ Вечеринка

⁵ Начальник

⁶ Молодая жена

от бэйбіше⁷, злобной Қарағыз, старалась почаще попадаться на глаза красивому парню. Однако ни Алима, ни Айганым ни разу не всколыхнули в душе Амира волнения, которое он испытал однажды, когда увидел Саиду,

несущую полные ведра воды из колодца. Конечно, он видел ее и раньше. Они росли вместе, не раз участвовали в общих играх и один раз маленькая Саида даже получила пару тумачков от Амира, который в азарте игры не рассчитал силу удара. Она убежала за сарай и там долго и тихо плакала, размазывая по пыльному лицу слезы, оставлявшие на румяных щечках грязные разводы. Однако не было в сердце маленькой девочки долгой обиды, а тем более мести, она росла, помня слова мамы, которая учила дочку быть милосердной. «Қызым, билік адамды қорлау емес, көтеру. Міне, бұл жерде күш пен мейірімділік жатыр»⁸, — говорила она. Помня слова мамы, она старалась быть хорошим человеком, быть приветливой со старшими, не обижать младших и делать добро.

И вот однажды майский чудесный день принес ей любовь. Она это сразу почувствовала. Как-то вдруг резко и быстро забилося ее сердечко, как-то сразу и вдруг выглянуло солнышко и стало радостно так, что захотелось закричать в полную силу и пуститься бегом по просыпающейся степи, которая и пахла по-новому, и звучала всеми песнями весны.

⁷ Старшая жена

⁸ Доченька моя, сила не в том, чтобы унижить, а в том, чтобы возвысить человека. В этом сила и милосердие

— Не болды, қызым? Неге сонша тыныссыз қалдың? Біреу сені қуып келді ме? Мен барлық суды шашыратып жібердім, қайтадан құдыққа баруым керек⁹, — встретил ее ласковый голос отца.

— Жоқ, әке, бәрі жақсы. Мен жай ғана жылдам жүрдім¹⁰, — быстро нашлась с ответом девушка.

Ее седой, как лунь, отец понимающе улыбнулся и смущенно кашлянул в бороду. Смерть матери Саиды подкосила его. И хотя он мог, как многие другие, погоревав с годик, жениться на другой, Дюсенбай не допускал даже мыслей о том, чтобы привести в дом чужую женщину. Тем более, что помимо старшей 15-летней Саиды у него подрастали 7-летний Ахметбек и 5-летний Ерсун. Как-то они воспримут женитьбу отца? Пока же справлялись сами. «Дочка стала настоящей хозяйкой, и за младшими присмотрит, и помоеет, и накормит, и, где надо, отругает, и дома — чистота и порядок». Доставалось ей, конечно, но она не жаловалась, махнет только ресницами, перекинет косы за спину и пошла целый день крутиться. Да еще вот надумала грамоте учиться, бегают в сельсовет, где молодые парни всех обучают. Ох не нравится это Дюсенбаю, дочка у него молодая, не дай Аллах случится что-нибудь нехорошее. Что люди-то скажут? А скажут, что вот, мол, недоглядел старый, надо было ему новую мамку деткам

⁹ Что случилось доченька? Почему ты так запыхалась? Гнался что ли кто-то за тобой? Воду всю расплескала, придется еще раз сходить к колодцу

¹⁰ Нет, папа, все в порядке. Просто я быстро шла

привести, глядишь, не было бы позора. Да что люди... главное, чтобы его звездочку никто не обидел. Вот так думал Дюсенбай, сидя долгими вечерами перед домом на завалинке. И тогда-то и заметил он того самого парнишку, что облюбовал себе местечко под тополем. Долго вглядывался в еле угадываемый силуэт, пока не признал. «Ба, да это же сынок Назара, Амир! Ну-ну, пусть сладится у них, вторую неделю под тополем сидит, на степь глядит, а сам нет-нет, да и запустит глаза в наш двор. Знаем-знаем, сами молодыми были, тоже на степь любовались», — кхекает про себя Дюсенбай.

Амир

В середине мая сильно заболел Ахметбек. Рауза-апай, дочка старой Магрипы, которая всех в окрестности лечила травами и заговорами, осмотрев парнишку, развела руками:

— Нет, мои дорогие, ничем помочь вам не могу, оспа это или еще что пострашнее, в город надо, да поскорее, там умные головы сидят, они смогут спасти мальчонку, только поторопитесь.

С тем и ушла, подсказав попросить помощи у этих «кяфиров»¹¹, что в клубе день и ночь заседают. Побежал старый Дюсенбай за помощью, пока бежал, ногу о корягу ударил. Залетел в домик Алмазбек-бая, который после бегства хозяина для аульской молодежи стал клубом, закричал:

— Помогите, ребята, мальца в райцентр надо доставить,

¹¹ Неверные

в больницу, плохо совсем пацану, боюсь помрет.

А в комнате один лишь Амир. Еле понял, чего хочет от него Дюсенбай. Вскочил в седло лошади, едва успел Дюсенбай освободить ее от пут, и, хлестнув камчей, поскакал к его дому.

Рывком рванул на себя хлипкую дверь. Саида, растрепанная и зареванная, что-то тихо шептала братишке, вытирая тому лоб. Ребенок был похож на тряпичную куклу, худое от недоедания личико было красным и потным, волосики прилипли ко лбу, а ручки висели плетьюми.

— Одень его потеплее, — велел Амир, — да воды не забудь, вдруг в дороге пить захочет. Да поторопись ты, — прикрикнул он на замешкавшуюся девушку. — Времени же нет совсем, не дай Аллах не довезем, — сказал уже спокойнее.

Саида вскинулась, начала торопливо натягивать на братишку зипун, который по очереди носили все дети семьи. Рука застряла в рукаве, и Амир, покосившись на девушку, взял ребенка на руки, запеленав в какие-то тряпки.

— Так доедем, — сказал он.

Сел в седло и поскакал галопом. А до райцентра верст двадцать, да еще маленькая речушка, которую летом спокойно может перейти курица, в эту весну растеклась на многие километры, и, хотя земля уже подсохла, осклизлые проплешины еще попадались. Лошадь иногда скользила, чудом не падала, удерживая седоков. Тут слышался вой волков. Вдали вспыхнули недобрые огоньки голодных глаз. Худо бы

пришлось Амиру, если бы не встретился на пути караван из трех нагруженных подвод. За последней плелась, спотыкаясь в темноте, верблюдица. Остановились, поговорили. Оказалось, из соседнего аула едут в большой город на кыз-узату¹², везут с собой подарки. Решили продать верблюдицу в райцентре, приодеться и купить кое-что домой. Хотел распрощаться с ними Амир, да одна из женщин, приняв у него из рук ребенка, сказала:

— Қарағым-ай¹³, да как ты с таким маленьким по степи, страшно нынче. У нас ружье припрятано, пусть мальчонка поедет на телеге, я его сейчас оботру и полечу, как смогу, глядишь, и отстанет хворь. Вон слышишь? Еще волки кинутся на тебя, да и конь твой заморенный. Давай с нами.

Несмотря на то, что караван двигался медленно, Амир согласился ехать с ними.

Долгая размеренная дорога и забота женщины, что-то постоянно нашептывающей, убаюкала мальчонку, и Амир совсем успокоился.

Добравшись до города, они с трудом нашли больницу. Более часа сидел он с маленьким Ахметбеком на руках, баюкая мальчика. Появившийся врач не торопясь осмотрел пациента и вынес вердикт:

— Оспа это. Вовремя спохватились. Сейчас главное температуру сбить и немедленно начать лечение. Оставляйте

¹² Проводы невесты

¹³ Ласковое обращение

мальчонку, приедете за ним через недельку. Даст Бог, оклемается.

С тем и уехал Амир домой.

Спустя время он поехал за Ахметбеком. Дюсенбай старый, да и лошади у него нет, а Амира кобыла норовистая, только его и слушается. Отправить же Саиду вообще было немыслимо, девушка одна в степи, лихих людей хватает, да и сможет ли она управиться с норовистой Рыжухой и еще не вполне здоровым мальцом. Вот и пришлось Амиру тащиться ни свет ни заря в райцентр.

Ахметбек порадовал. Сияя черными глазами, встретил он парня уже выздоровевшим. Правда, еще проглядывал лихорадочный румянец на щечках малыша, но в целом вид был неплох.

— Ого, батыр, да я смотрю ты уже молодцом. Дорогу-то осилишь? Если нет, то положу тебя поперек седла и, как девушку, которую своровали, повезу домой, — смеясь, предложил он.

Быстро-быстро замотав головой, пацан счастливо рассмеялся и протянул руки Амиру.

— Погоди-ка, сейчас я с доктором поговорю и поедем, — сказал Амир.

Получив рекомендации и лекарства, они тронулись в обратный путь.

Спустя годы уже подросший Ахметбек сказал Амиру:

— А ведь ты спас меня тогда. Я слышал, как врач говорил,

что, если бы ты меня вовремя не привез, я бы мог умереть. Спасибо тебе, аға¹⁴, — и протянул крепкую руку своему спасителю.

А маленького Ерсина не удалось уберечь, он стал первой жертвой ашаршылықа¹⁵.

Амир

«Касымхан правильно сделал, что оставил овцу. У него жена беременна, ей мясо нужно есть. А они теперь его судят за укрывательство. Да и я тоже хорош. Все проголосовали за то, чтобы исключить его из комсомола, а я промолчал. Трус, подлец», — так думал Амир, направляясь ранним утром к своему другу Касымхану, чтобы объяснить ему свой поступок. Он сам еще не знал, как будет объясняться, но знал одно: разговор должен состояться. Подходя к дому Касыма, как называли его товарищи, он увидел подводу и толпу, состоящую из солдат. Внутри дома было шумно, что-то кричала Айбала сиплым от плача голосом.

— Куда? — фальцетом выкрикнул солдат, он был настолько юн, что его лицо было сплошь усыпано прыщами.

Он воинственно выставил винтовку на подошедшего Амира и вновь выкрикнул:

— Куда? Стоять!

— Да я к другу пришел, активист я здешний, а что

¹⁴ Уважительное обращение к старшему

¹⁵ Голодомор

здесь....

И осекся, увидев, как связанного Касымхана вывели двое солдат. Амир рванул было к другу, но путь ему преградили.

— Но, не балуй, — сказал ему русский бородатый парень. — Не видишь разве, имущество кулаков реквизируем. А ты кто такой есть?

Касымхан поднял голову и придушенным шепотом попросил:

— Амир, заberi Айбалу пока к себе, я приеду скоро.

— Как же, придет он, — засмеялся еще один. — Сначала прячут от народа добро, потом возмущаются, что мы к ногтю их. Сказано, коллективизация, значит, не мешай, а лучше помоги, выяви укрывателя, а они вишь, свое кидаются прятать.

— Да не прятал он ничего. Все отдал. Сам привел скотину, одну только овцу оставил, жена у него беременная, вот-вот разродится, хотел заколоть ее для бульона, чтобы молоко не пропало. Чтобы ребенка можно было выкормить. А так-то он наш, комсомолец, мы ему сами рекомендацию давали, вместе в райком ездили, — зачастил Амир, однако бородатый перебил его.

— Вот-вот, надо всех проверить, кто вас таких в комсомол принимал, да рекомендации давал. Врага под собственным носом проглядели. А ну, отойди, да бабу евойную заткни, орет, как по покойнику. Если, не виноват, разберемся и выпустим, а если виновен, значит, отвечать будет перед

нашим пролетарским судом, — сказал бородач и сделал знак остальным забирать Касымхана.

Так вместе со злосчастной овцой его увезли на телеге в райцентр. Дальнейшая судьба его неизвестна, то ли он, как и миллионы других незаслуженно осужденных, безвинных погиб на бескрайних просторах Севера от холода и непосильной работы, то ли, даже не доехав до места ссылки, скончался в районной тюрьме, из которой каждый день вывозили на телеге покойников, неприкрытых и бесприютных даже в смерти.

Айбалу же, потерявшую сознание, Амир принес в свой дом, и соседка Нагиша-апа долго приводила ее в чувство, отпаивая горячим отваром каких-то трав, в целебную силу которых верили все аулчане.

Саида

Вскоре весть о том, что Касымхана забрали в тюрьму, а Амир женился на его жене, заведя ее в дом и открыто ночуя с ней, не боясь людского осуждения, достигла ушей Саиды. Ее душу наполнила горечь обмана и разочарования. Она долго стояла под темным безлунным небом и тихо стонала, оплакивая свою первую, так и не состоявшуюся любовь. Вытерев слезы и вдохнув холодный осенний воздух, она вернулась домой. Домашние были радостно-возбуждены, причина такого состояния выяснилась скоро.

— Вот, гость пришел, — сказал, сияя глазами Дюсенбай,

— по твою душу, доченька.

Амир встал и, нервно одергивая пиджак, глядя в глаза неподвижно стоявшей на пороге девушки, рубанул:

— В общем это, я к тебе. Свататься. Прошу тебя стать моей женой.

— Ойбай, все традиции забыли. Как же так? Ты же должен был сначала сватов заслать, потом с девушкой встретиться, меня спросить, а уж потом и той организовать, — запричитал старик.

— Я комсомолец, — твердо сказал Амир, — да и сирота к тому же. Вы же знаете, ага, нет у меня никого, а к Саиде, я слышал, сваты приезжали из соседнего аула. Вот я и решил сам себя сосватать. Ну, так что? — повернулся он к безмолвной девушке.

— Согласна я, — также твердо глядя в глаза молодому человеку сказала она.

Под шумный галдеж братьев и бормотание старика, молодые вышли из домика и, впервые взявшись за руки, направились к реке.

— У тебя, говорят, Айбала живет? — несмело спросила Саида.

— Разве мог я бросить бедняжку одну в таком состоянии? Ведь она вне себя от горя была. Вот я и забрал ее на время к себе. А сегодня за ней приехали родственники и увезли в свой аул. А ты отказала тем сватам, что приезжали к тебе свататься?

— Да, мне не понравился жених.

— А я?

— А ты нравишься, — застенчиво прикрывая ладошкой рот, тихо произнесла она.

— Я люблю тебя, — прозвучали наконец-то самые важные и долгожданные для любого человека слова.

— И я, — ответила смущенно она.

Хотелось бы им отметить свое решение большим тоем, как некогда и их родители. Тогда бы поставили в степи отдельную белоснежную юрту. Мужчины свежевали бы скотину, откормленную для тоя, а женщины хлопотали у казанов и самоваров. Детвора носилась бы с криками по округе, выглядывая караван невесты. Степенные старики проходили бы на төр¹⁶ и долго бы пили чай со свежими баурсаками и каймаком, вели бы неспешные разговоры, обсуждая дела и вспоминая прожитое.

Амир

Не до тоя сегодня в степи. Сотни и тысячи голодных людей брели куда глаза глядят в поисках съестного. Съели весь немногочисленный скот, оставшийся после реквизиции. Что не зарезали и не спрятали, забрали солдаты продовольственных отрядов. Продразверстка иной раз забирала даже только что приготовленную детям кашу в казане. И долго еще в разоренной юрте пахло такой близкой, но уже призрач-

¹⁶ Почетное место

ной едой. Голод был страшный. Ели даже останки животных, похороненных в скотомогильниках. Они были разрыты и смрадный дух поднимался от них, сея ужас и панику. Среди этого смрада оголодавшие люди различали тонкий едва уловимый запах еды, и эта тонкая струйка запаха, всего лишь запаха пищи, вела этих несчастных к страшным ямам. Многие там и оставались, напивавшись темной вонючей жижей.

Небезопасно стало путнику одному в степи, некоторые отчаявшиеся стали настоящими волками, выслеживающими свою добычу на дорогах. Нередко пропадали такие путники и лишь обглоданные косточки доставались степным волкам. Обезумевшие от голода люди продавали детей своих за четвертинку хлеба или жменьку пшеницы. Дети в некоторых семьях вдруг из родительской гордости и радости превратились в обузу и лишний рот. Если кому и повезло оставить детей в детском доме, то мука горькая ждала там несчастных. Они умирали там толпами, и их тела усеивали полы детского дома, а у живых сил не было вынести их.

Все это своими глазами увидел Амир. Приехав по делам в райком комсомола, здание которого примыкало к небольшому скверу, он пошел по ранее тенистым аллеям, но, прежде чем увидеть людскую копошащуюся массу на земле, он увидел деревья. Обглоданные до самой кроны, деревья стояли страшными скелетами и сквозь них пробивалось равнодушное солнце. А зачем слышался шепот-стон:

— Хлебушка, кусочек.

— Аға, дай поесть.

— Баурым¹⁷, не оставь умирать!

— Ойбай, где ты Аллах? Почему допускаешь такие страдания? Нет у меня ничего. Возьми его, возьми, — в гуле бормотания вскричала молодая женщина, истощенная донельзя. В руках она держала скелетик младенца, голое пузико которого шариком возвышалось над телом. — На, на, Аллах, забери. Не могу я смотреть на это. Не могу-у-у. Зачем ты позволил ему родиться? Забери, и меня забери, забери, не мучай.

И столько боли и отчаяния было в этом крике, столько звериного хрипа, что не могло человеческое сердце вместить в себя всего этого, не могли человеческие уши спокойно слышать этого.

От этого крика бегом, бегом, чтобы не слышать и не видеть. Заткнуть уши, закрыть глаза. Съеденная утром краюха хлеба плотным комом встала в желудке и, едва забежав за угол, Амир с утробным звуком исторг из себя съеденное, пытаясь выплеснуть всю эту непереносимую картину. Он долго стоял, приходя в себя, пытаясь унять бешенное сердцебиение. В голове крутились картинки: старенькая эже¹⁸ без головного убора, да даже умирая, она бы не сняла векового патриархального кимешека¹⁹ с головы, мальчишка, дер-

¹⁷ Братишка

¹⁸ Бабушка

¹⁹ Головной убор замужней женщины

жащий за ноги аксакала, просящего милостыню для внука, мужчина, который был похож на страшного дурачка, у которого большая несоразмерно раздутая голова и тоненькие ножки и хрип, бормотание, шепот и крик женщины.

«За что? За что? За что? — думал он, прижимая ладони к вискам. — Как случилось это? Почему допустили? Кто виноват?».

Не было ответа ни у властей, ни у Всевышнего.

Обратно шел он по голой, обезлюдевшей степи, думая горькую думу свою. Несколько дней назад похоронили они маленького Ерсина, братишку Саиды. Дюсенбай не смог им помочь, лежал, закрывшись бешметом²⁰. Втроем с более крепким Ахметбеком выкопали неглубокую яму и опустили тельце мальчонки в саване в землю. Прочитав молитву, взяли под руки вдруг обессилившую Саиду, побрели домой. И вот тогда-то в доме Дюсенбая впервые прозвучало:

— Надо уезжать.

Нелегко дались старику эти слова. Он здесь родился, на этой земле познал счастье быть мужем, а затем и отцом, здесь он поднимал своих детей и надеялся, что будет стареть здесь, окруженный детьми и внуками, а также теми стариками, что прошли эту жизнь с ним вместе. Но понимал он, что, отдав земле своего младшенького, может отдать и остальных детей, если не сделает что-нибудь.

Сегодня и Амир решил, что выход только один — идти

²⁰ Верхняя одежда

туда, где есть еда. И еще одна мысль не давала покоя. Если коллективизация, о пользе которой трубили на всех собраниях, которая должна была принести процветание обществу, на поверку оказалась причиной голода и разорения, то зачем она вообще затевалась. Кто лгал? Те, кто начинал эту кампанию, или те, кто исполнял? Если последние, то они должны понести заслуженное наказание. Тогда необходимо срочно предпринимать меры по разрешению вопроса. Ну, а если первые, то это вообще страшно. Страшно даже подумать об истинных намерениях этих людей, а уж если додумывать, то как же теперь жить с этими мыслями? Как быть со своей, перекроенной по новому лекалу, жизнью? Как быть с идеями и идеалами? Кому и в кого верить, наконец-то? Если же идти по намеченному пути, то как смотреть в глаза Саиде, потерявшей братишку, или в глаза обездоленного Сагинтая, у которого из шести ребятишек не осталось никого, или в глаза сына Касымхана, выгнанного из разоренного дома? Как быть со своей совестью?

На небольшом семейном совете решили трогаться вчетвером и налегке, все, что не смогли забрать с собой, раздали соседям. Немного беспокоил старый Дюсенбай, но он сказал, что будет с ними до конца или разделит счастливую судьбу, или останется в родной степи.

— Степь большая и вся она наша, где найду свою смерть, там и похороните, — твердо сказал он.

Амир

С тем и пошли. Не было проводов, не собрались люди проводить их в долгую дорогу, не было традиционного бата²¹, да и котомки их были пусты. Не так, ох не так собирались раньше люди в дальнюю дорогу, однако делать нечего.

Как долго они шли и чем питались, знают лишь они одни. Где-то в предгорьях Алтая похоронили старика, отметив могилку простым валуном, который Амир с Ахметбеком прикатали с дороги. Шли и шли, поддерживая друг друга и подбадривая обещанием вскоре наесться досыта.

И дошли. То есть не совсем дошли, просто остановились. Показалось, что на ночлег и передых, а оказалось навсегда. Заворожила красота этого места. До алтайских гор, конечно, далеко, но и здесь было красиво так, что дух захватывало. Удивительное творение Всевышнего радовало и путников, и местных жителей. Высокие травы волной ложились от легчайшего дуновения ветра, шелковым ковром стелились на огромной территории места, где они нашли приют. Высоченные деревья, невиданные в родных краях, кронами касались проплывающих облаков, и неохватное глазами голубое небо стояло высоко-высоко, обещаая свободу и тепло.

Встретили их люди, которые накормили и приютили на первых порах. Опьянев от еды, они почувствовали себя свободно и безмятежно. Приняли решение остаться на этой земле и начали обживатьсья.

²¹ Благословения

Не все было просто. Чтобы поставить дом, нужно было заработать деньги. Никогда раньше не знавшие землепашества, они с трудом привыкали к такому труду, но человек может преодолеть все, вот и они день за днем познавали крестьянский труд.

Умеющие управлять лошадьми и пасти скот мужчины, а Ахметбек к этому времени превратился в крепкого подростка, которого не страшила работа, решили все-таки заняться полеводством. Саида вместе с другими женщинами деревни стала работать на птичнике, а дома, по совету соседки тети Маши и при ее непосредственном контроле, посадила свой первый огород. Домишко им колхоз выделил, там было всего две комнатки, одна из которых служила сенями и использовалась как кухня. В остальное время жили, спали, готовили в одной комнатке, которую перегородили ветхим, готовым развалиться шкафом.

— Ничего, — сказал им дед Наум, сосед и по совместительству муж тети Маши, — мебелью зимой обзаведемся, когда время будет строгать-пилить, а пока и так небось.

Время неслось теперь быстро, вот бригадир созывает на работу, а уже пришло время обеда, и бедовая Акулина, жена бригадира Михаила, везет в поле еду, лихо правя справной лошадейкой. В первое время Ахметбек и Амир, разогнув спину, нетерпеливо подгоняли ее глазами. Мужики, удивительно чуткие для своей мужицкой сути, сначала передавали приезжим алюминиевые тарелки с варевом, запах которого

заставлял нервно сглатывать. Поняв со временем ситуацию, Амир решительно отодвинул руку балдыза²², передал тарелку бригадиру.

— Ты это... Семеныч, спасибо, конечно, но ты главный, тебе первому.

— А вообще-то надо сначала давать Авдею Николаевичу, — поскреб затылок Ахметбек. — Он-то постарше будет, значит аксакал²³, а старших надо уважать, — улыбаясь, оглядел он мужиков.

— Ну, так и порешим, — хлопнул по колену бригадир. — Сначала Авдею, потом уже мне, не взыщите мужики, а потом уже по возрасту. Правильно? Правильно, — сам за всех сказал бригадир.

Амир и Ахметбек за прошедшие несколько недель работы с мужиками мало-помалу стали понимать русский язык, говорить же было сложнее, они помогали друг другу вольным переводом. Иногда случались и накладки. Однажды бригадир Михаил Семеныч долго держался за пуговицу рубашки Амира, мучительно вспоминая, что хотел сказать. Не дождавшись Амир спросил:

— Не болды?²⁴

— Сам ты балды, — обиженно ответил бригадир.

Опешив и помолчав несколько секунд Амир понял, что

²² Братишка жены

²³ Старший уважаемый мужчина

²⁴ Что случилось?

имел в виду бригадир и рассмеялся.

Саида

Но если мужчины, общаясь с бригадой, уже худо-бедно изъяснялись на русском, то бедной Саиде пришлось несладко. Может быть, и она, начав работать на птичнике, быстрее бы выучила русский язык, однако вскоре поняла, что забеременела.

Однажды, сидя за обедом, собрали который сообща, она зажала рот и бегом кинулась к помойному ведру. Вдруг ослабели ноги и испариной покрылось все тело. Чуть-чуть придя в себя, она умылась и вернулась к женщинам.

— Эээ, девка, да ты никак на сносях, — улыбнулась Светлана, кареглазая бойкая женщина, у которой уже бегали во дворе шестеро ребятишек.

— Простите, я не поняла, — смущенно сказала Саида.

— Да ты не журишь, дело наше бабье, детишек рожать, да растить их, — подмигнула Светлана, но увидев, что та ничего не поняла, начала показывать ей, жестикулируя и выпячивая свой живот.

«Вот стыд-то какой, — думала, идя домой Саида, — и как ей не совестно при всех такие слова говорить. Какой позор! Как я им теперь в глаза смотреть буду?»²⁵

Однако бессовестной оказалась не только Светлана. Не успев перевести дух, к ней прибежала соседка тетя Маша:

²⁵ В казахской культуре не принято громко говорить о беременности

— Ой, Сонечка, радость-то какая, беременна ты, говорят, — зачастила она, обнимая смущенную девушку, — мы с тобой вот как поступим. Пока еще время есть, давай мы кое-какие овощи посадим, ну, огурчики, помидорчики, а потом все это засолим и будут у тебя зимой витамины, очень знаешь полезная для тебя еда, — сказала она.

Чаще всего Саида и тетя Маша объяснялись жестами, последняя, как могла, растолковала молодой соседке, что нужно сделать и неожиданно та, закрыв лицо руками, расплакалась.

— И-и-и, милая, да что рыдать-то теперь? Теперь радоваться надо, да думать о дне завтрашнем. Давай-ка вот мою рассадку посадим в огороде, хорошо, что не выкинула, уж больно хилая была, а я закрутилась и не заметила, как она окрепла. Вот и сгодилась. Ну что ты тарачишься? Огурцы это, огурцы.

— Қияр ма?²⁶

— Ой и не говори, киряют и киряют, глотки луженные, а потом огурцом и закусывают, первое дело огурец для закуски. Сама люблю под соленый иногда оскоромиться, — весело подмигнула тетя Маша, — так что давай твои киряки сажать.

Так, смеясь и плача посадили киряки. А в деревне с легкой руки Саиды закрепилось новое название огурца.

Узнав о пополнении в семье, Амир обрадовался.

²⁶ Огурцы что ли?

— Жаным!²⁷ — закричал он, целуя жену. — Вот это новость, вот это радость! Сегодня же зайду к твоей бригадирше и скажу, чтобы не давала тебе поднимать тяжелое, а то вообще уходи с работы? — предложил он.

— Что ты, родной, даже и не думай, мне там нравится и вовсе не тяжело, — быстро заговорила Саида. — Девочки мне будут помогать. Знаешь, как там все ко мне хорошо относятся? Мы все вместе делаем. Не тревожься, я буду осторожна, — несмело обняв мужа, сказала она.

В трудах и заботах промелькнуло лето.

Жизнь постепенно начала входить в свое русло. Саида в начале весны родила прекрасную дочь. Налюбоваться на нее не могла, гладила руками ее нежно-розовое тельце, целовала крошечные ручки и ножки и была уверена, что прекраснее создания природа еще не придумала. Как и любая мать, делая тысячи дел одновременно, слышала и видела, а скорее чувствовала всем своим естеством, что там в колыбельке делает ее доченька. А девочка, действительно, была хороша. Высокий лоб, мягкие легкие волосы, темные и какие-то не по-детски умные глаза, следящие за всеми, кто находился в комнате. Уже сейчас угадывалась стать и серьезность этой маленькой девочки. Отец души не чаял в своей маленькой принцессе, а Саида-то, вот дурочка, на минутку, даже нет, не на минутку, всего на пол-секундочки расстроилась, когда увидела, что родилась дочь. Потому что слышала от баб,

что мужикам только мальчиков подавай. В больнице вообще случилось страшное, одна баба, расстроившись, что родилась пятая девочка, просто взяла ночью и убежала, выпрыгнув из окна. А девочку как жалко было! Лежала, маленькая, брошенная и неприкаянная и знать не знала, что ее уже предали. Спасибо главврачу, утром позвонил куда надо и спустя время приехали за маленькой родные. Пожилая тетка, как оказалось, свекровь несчастной, буквально выхватила из рук Саиды маленький сверток, а потом опомнилась и в пояс поклонилась:

— Спасибо тебе, деточка, что покормила мою внучку. Да ты, чай и не крещенная? — вгляделась она в лицо той. — Ну да какая разница, главное человеком оставаться. Спасибо еще раз, а невестку свою я выпорю. Надо же такое удумать? Вот они вдвоем с сыном попляшут у меня. Вот, дура баба, что придумала-то, — так бормоча, пожилая женщина ушла, прижав к себе маленький комочек, который за ночь и утро потерял и обрел родных.

А Амир наоборот, был очень рад рождению дочки, за соседками повторял: «Сначала нянька, потом лялька» и лукаво посматривал на смущенную Саиду, расцветшую, как расцветает любая женщина, познавшая счастье материнства.

И пошли-полетели дни похожие и не похожие друг на друга. Бесконечной вереницей шли дела, но каждый день приносил новую радость: вот девочка улыбнулась, вот перевер-

нулась на животик, вот и залепетала первые слова: ана²⁸, эке²⁹. Каждый вечер, совершая молитву, горячо шептала слова благодарности Всевышнему Саида: «Бисмилляхи-Рахмани-Рахим. Спасибо за хлеб, что каждый день едим вдоволь. Спасибо за кров, есть теперь, где укрыться. Спасибо за дочь. Спасибо за мужа, в глазах которого пропал дикий огонек гнева и бессилия. Спасибо, что братишка выжил и с нами». Много было благодарностей в ее горячей молитве и просьбы звучали, как и у любой крестьянки, кормящейся с земли: «дай теплые денечки, чтобы засеять хлеб, дай дождя, чтобы не сгорела пшеница, да сухой погоды, чтобы успеть убрать урожай». Сама она стала полноправным членом бригады, работающей на ферме, доила коров, сепарировала молоко, промывала огромные бидоны и даже однажды накричала на молоденькую девчонку, что в каникулы пришла поработать на ферму:

— Қайда қарап тұрсың?³⁰ Бидоны не мытый, грязный ол, не видишь? Молоко дурыс болмайды³¹. Прокиснет, понимаешь ты? — — и оттого, что не может правильно донести свою мысль до бестолковой девчонки, чуть не расплакалась.

На выручку прибежала Оксанка:

— Она тебе говорит, что бидоны чище мыть надо, иначе

²⁸ Мама

²⁹ Папа

³⁰ Куда ты смотришь?

³¹ Испортится

молоко прокиснет, там бактерии могут быть всякие, врачиха вчера нам объясняла. Так что иди перемывай, — распорядилась та и похлопала по плечу Саиду. — Не переживай, Сонечка, сейчас перемоем.

Амир

Амир томился. Каждую ночь снилась ему степь, высоко стояла яркая луна, а запах, осязаемый даже во сне, был самым лучшим моментом сна. Амир просыпался среди ночи, и ноздри его трепетали, как у молодого коня, заморенного быстрым бегом, а иногда, стыдно даже сказать, щеки были мокры от слез, которые выбили то ли быстрый степной ветер, то ли щемящая тоска, поселившаяся в последнее время в груди. Он вставал тихонько и, крадучись, чтобы не разбудить жену и дочь, выходил во двор. А там звенели цикады и высоко-высоко шумели деревья, как никогда не бывало на родине.

Днем эти сны забывались в круговерти нескончаемых дел, а ночью вновь наваливалась тоска и чудилось ему, что возьмет он на руки ребенка, за руку верную свою подругу и пойдут они вновь длинной дорогой, которая приведет их домой.

Но тут случилось еще одно событие, отложившее его мечты. Саида вновь ждала ребенка. Сначала навалился страх, моментально уступивший место радости. Рады были все, особенно Ахметбек, к тому времени учившийся уже в 8 классе.

— Я буду нянчить маленького, буду ему агаем³².

— Откуда ты знаешь, что будет мальчик? — весело спросила Саида.

— Знаю, — в один голос сказали Амир и Ахметбек и рассмеялись.

Ахметбек, хоть и учился в школе, на чем настоял Амир, уверяя, что только знания дадут ему старт, необходимый для жизни, был мальчиком рослым и многие его принимали за парня. Он был старше своих одноклассников на два года и смущался, когда его длинные ноги нечаянно выползали из парты, загораживая проход. В первый сытой год жизни на новой родине он не мог избавиться от привычки прятать хлеб в карман.

— Наголодался парнишка, — жалели его женщины, если видели заначку.

— Не стесняйся, паря, — хлопали по спине мужики. — Мужик должен есть много, тогда и работа будет в радость.

Саида говорила ему тихонько: «положи хлеб, мы в гостях, это неудобно», а он не мог вытащить руку из кармана, в котором был спрятан кусочек. Пацаны местные, прознав про его привычку, дали ему прозвище «Оголодавший». Ахметбек не понимая по-русски значения этого слова, сначала весело откликался, пока ему не растолковала соседская девчонка. Тогда он побил самого сильного Тиму-заводилу, и остальные поняли, что постоять за себя он сможет. И когда после лет-

³² Дядей

них каникул его приняли в школу, Тима-заводила уступил ему место лидера.

Вскоре родился долгожданный сынок, мать его назвала Абай. Нуриле исполнилось три годика. В метрике, которую выписывал местный писарь, детей назвали русскими именами — Надежда и Анатолий. Это был 1941 год.

То, что в мире неспокойно, абсолютно не волновало жителей этого маленького села. Мало ли где живут войной, она всегда была и, к сожалению, будет. На этой земле всегда людям тесно. Но это их выбор, а выбор крестьян — сажать семена, собирать урожай, обихаживать скотину и растить детей. Однако и в этот мирный дом пришла беда.

Саида

— Не пушу-у-у, — кричала обычно сдержанная и молчаливая Саида. — У нас двое маленьких детей, куда я с ними? Кто мне поможет? Как мы жить-то будем? А если убьют тебя? Не пушу!

— Да не могу я остаться, — с трудом отрывая от себя руки жены, тоже закричал Амир.

Саида отпрянула от его крика, и зажав рот острым кулачком, остановившимися глазами смотрела на мужа.

— Жаным, да пойми. Меня призвали, если я не пойду, объявят дезертиром и в тюрьму посадят.

Но в голове у женщины било набатом: «убьют, убьют, убьют». Заплакавший Абай привел ее в чувство.

— Не плачь, родная, война быстро кончится, не успеете соскучиться, и я приду, — весело говорил Амир, складывая в мешок с заплечными лямками мыло, щетку, смену белья.

Взял он и самое ценное, что было в семье, с молчаливого согласия жены — Коран. Истрепанная священная книга была обернута в старую газету. Эту книгу они несли на себе в заплечном мешке по очереди, когда шли долгой дорогой к хлебу. Ее прижимали, сидя у еле тлеющего костерка, который развели в углублении небольшой сопки, застигнутые ливнем в степях Казахстана. На нее уповали, когда зашли в темный пугающий чужбинный лес, напуганные глухими звуками ночи.

— Аллах с нами, — шептала про себя Саида, — Аллах с ним. Он его убережет, вернет домой. Наши дети будут расти, они узнают отцовскую ласку и строгость. Будь милосердным, убереги его.

Ушел солдат. Опустела душа Саиды. Стало невмочь делать обычные домашние дела. Тяготили даже дети, не ведавшие о материнской тревоге. Но она взяла себя в руки. И потянулись дни, унылые как песни путника, бредущего по горячей выжженной солнцем степи.

Пролетело лето. Да и как можно было заметить его красоту и неспешную зоревую прелесть, когда все осталось в довоенной жизни. Нынешнее лето было похоже на гонку. Изю дня в день ферма, огород, скотина, дети. Ни детям, ни скотине не объяснишь, что устала, что нет сил, что последнему письму

от мужа уж месяц как. Да ведь и раньше уставали, но стоило посмотреть в глаза своего ненаглядного, усталость мигом проходила. Хотелось все сделать быстро-быстро и присесть на крылечко рядом с мужем, проводить солнышко за горизонт и посумерничать, помолчать рядышком. Слава Аллаху, хоть Ахметбек рядом, помогает по мере сил. Однако в самую страду забрали и его на поля, всех школьников погнали на сенокос. Мужиков-то раз-два и обчелся. Вот ребята и стали работать кто за отца, кто за брата. За Надеждой, которую только мама звала Нуриля, днем присматривала тетя Маша, соседка, а вот маленького Абая пришлось носить с собой на ферму. Посадит его на травку, рядом Дозор, собака большая, умная, лежит и поглядывает за ребенком. И только отфыркивается, когда малыш решит ему травинок в нос напихать. Как свободная минутка, выскочит Саида к сыночку, Дозор важно встанет и пойдет по своим делам, уступая место матери. Покормит она Абая, уложит под большой лопух, служивший защитой от яркого солнышка, и опять к своим коровам. А вечером, налив в бидончик молока (заведующая фермой разрешала), отправляются домой к маленькой Нуриле.

— Надька, вот егоза, куда ты подевалась, — издалека слышат они звонкий голос тети Маши. — Сейчас мать уже придет, где ты, пропажа?

И колокольчиком голос доченьки:

— Не найдешь, не найдешь!

— Ау, доченька, Нуриля, мы дома, — кричит Саида, и по-

русски — Спасибо, тетя Маша.

— Не за что, приходи, милая, завтра, — отвечала та.

С раннего утра, пока дети спят, не заходя в соседкин дом, Саида бежит в ее огород. Прополоть картошку надо, уже не видно ее из-за высоченных сорняков, а тете Маше тяжело, и за дочкой ее доглядеть, и огород свой обиходить.

— Да что ж ты делаешь? — кричит тетя Маша. — Что ж ты, окаянная, меня перед соседями позоришь. Скажут, взяла себе прислугу. Молчи уж, — машет рукой. — Вот хоть чаю попей, — ругается она, накрывая на стол.

Знает, что, несмотря на то, что уже больше года живет Саида в деревне, ей сложно говорить на русском, больше жестами объясняется.

Саида не от того старушке помогает, что сидит она день-деньской с маленькой Нурилей, просто жаль ей бабушку, которой помочь некому. Мужа схоронила она этим летом, а сын единственный ушел на фронт. Да и когда был дома, к матери нечасто заглядывал. Жил с женой и детками в районном центре, только в страду и сенокос урывками между своими домашними делами и работой прибегал к родителям. Обеспечит к осени сеном козочку, единственную скотину в хозяйстве, поправит забор, сарайку, стайку, выпишет грузовик дров, выгрузит и сложит в поленницу, заготовив топку на зиму и айда домой, свои дела ждут. Звала, конечно, к себе на, так сказать, постоянное жилье, сноха, однако тетя Маша, памятуя о пословице «с сынком бранись, за порог держись»

отказывалась. «Я — хозяйка!», — гордо говорила про себя и пока, надо сказать, справлялись. Сажали с мужем по весне немудреный огород, собирали к осени овощи и складывали их, присыпав солью в небольшие кадучки, а зимой угощала ими соседку, не умеющую заготавливать такие разносолы. Так и жили в ладу две семьи, хозяйки которых говорили на разных языках, но понимали друг друга.

Амир

Обритые наголо, во избежание вшей, солдаты проводили дни в учебке. В Семипалатинск, где формировалась дивизия, Амир попал случайно. В районном центре встретил земляков-казахов. Долго они сидели под полуденным солнцем, разговаривая о том о сем. Подошел лейтенант и предложил им поехать в Казахстан, где формировалась новая дивизия. Так они попали в Семипалатинск. Оказалось, что Амир был самым старшим в их небольшом отряде, и казахи по традиции признали в нем главного.

— Аға, біз қашан майданға барамыз?³³ — спрашивали они, заглядывая в глаза Амиру.

Ему несолидно было отвечать «не знаю», поэтому внушительно, как и подобает старшему, отвечал:

— Нужно дожидаться полного формирования дивизии, а затем пойдем бить врага.

Однако прежде чем отправиться на фронт, они попали в

³³ Когда мы попадем на фронт?

учебку. Предварительно их разделили, подсчитали и погнали на санообработку. И вот теперь, сидя под раскидистой елью в пригороде Алма-Аты, почесывая лысую голову, он читал книжку, шевеля губами. Предмурость эта не усваивалась, но опростоволоситься было нельзя. Здесь, как и в Семипалатинске, он был самым старшим из солдат, присланных сюда учиться непростому делу связиста. Полевой телефон был простой наукой, а вот шифрование шло туго. Однако Амир не унывал. Не в его привычке было отступать.

Прошли две недели, во время которых солдат учили не только работать с телефоном, но и умению стрелять, понимать команды, стоять в строю и отвечать командирам так, как положено в армии. Многие призывники, вчерашние земледельцы, студенты, заводчане и интеллигенция, оружие не только не держали в руках, но даже не видели. Вот их-то и пришлось ставить под ружье.

Вскоре после окончания учебки их эшелонами доставили на линию фронта. Здесь, под непрекращающую канонаду, они рыли окопы и закрепляли позиции. Новые знания, полученные Амиром на скорую руку,годились с первых минут. Попал он в действующую армию осенью 1941 года, и было ему 29 лет.

В неразберихе тех первых военных месяцев его с несколькими солдатами-пехитинцами приписали к дивизии, сформированной в Казани. Так он стал связистом минометной роты первого стрелкового батальона. И не было горше той

специальности на войне. Есть связь — скажут, правильно, так она и должна быть хорошей. Нет связи — распекут так, что ползешь километры, под пулями снайперскими, лежишь, в снегу, в грязи зарывшись, отпустит — нет ли? Молишься и лежишь. Как только перестанут пули цвекать, вновь ползи — ищи обрыв. Так всю войну, то ползком, то пешком, то бегом.

Был он хорошим солдатом, исполнительным и расторопным, и командир его всегда был со связью. Андрей Васильевич стал для Амира наставником в нелегком солдатском деле. Ежедневно терпеливо объяснял он молодому бойцу все премудрости воинской службы и работы связиста. Без устали напоминал о том чередовании дел, которые как бусины на нитку нанизывались, чтобы все получилось.

— Понимаешь, Амир, без связи мы кучка людей, бестолковых и отрезанных от мира. Не знаем, где враг, впереди или сбоку, а может быть, уже и позади нас, а это опасно. Значит, мы попали в окружение и выход у нас один — идти на прорыв, а много ли мы убережем солдат, пробиваясь сквозь заслоны? Или другой пример: соседи попали в переплет, а мы на флангах даже не знаем о том, потому что у нас связи нет. Так вот и получается, брат Амир, что ты —

главное лицо в нашем подразделении. Гордись и работай. Работай так, чтобы связь была всегда, — говорил он, покуривая папиросу.

Его удивлял тот факт, что Амир не курит. Сидя за полночь

над картами со своим штабом, офицеры курили так, что хоть топор вешай. Некурящий Амир тер воспаленные дымом глаза и, заметив это, командир открывал форточку и отправлял его на воздух.

— Иди, подыши свежим, — улыбаясь говорил он, выпроваживая Амира. — Чай уже неважно.

А табак свой Амир отдавал другим курильщикам или менял на что-нибудь нужное, чаще на хлеб. Кормили их не так чтобы сытно, но жить можно было. Амир только пожимал плечами, слушая недовольство солдат, которые жаловались на маленькие порции. «Да что вы знаете о голоде», — думал он, засыпая на самодельном топчане тут же, при штабе.

Боевое крещение принял он в районе города Волоколамск под Москвой. Артиллеристы народ закаленный, крикнет командир расчета «Пли», главное — уши закрыть, а рот — открыть, потом такой шорох: «вши-и-х», и взрыв. Так работает миномет. Но и артиллеристы тоже как на ладони у фашистов, атакующих сразу и сверху, и снизу, с поддержкой артиллерии и танков. Вот последние-то и били по нашим ребятам. Еще в начале боя сразу три миномета замолчали, подбитые противником.

Егор Егоров, командир минометного расчета, молодой пацан из Бугульмы, которого за глаза солдаты звали «ЕЕ», кричал сиплым голосом:

— Братцы, помогите! Нога моя, где нога?

А нога лежала в стороне от Егора, и кровавый край ее мед-

ленно опускался в грязевую жижу.

Амир рванул было на крик, да командир Андрей Васильевич заорал на него, страшно выкатив глаза:

— Куда, сволочь? А ну, назад! Назад, я сказал! Не хватало мне еще без связи остаться!

Как только появилась минутка затишья, 42-летний доброволец Равиль Ильяшев, ставший санитаром, полез к миномету и притащил по очереди двух солдат. Егор уже не кричал, а дико таращился на всех и все просил принести ему ногу. Равиль принес и ногу, и молоденького татарина Асима, который вздохнул два раза, посмотрел на всех, вымученно улыбнулся и остановил взгляд враз остекленевших глаз на голубом небе. Вот тогда-то и прорвало Амира. Плакал над этим незнакомым пареньком, как над родным. Казалось бы, смертей повидал он, что другая баба картошки в поле, а вот подишь ты, рыдал, не стесняясь других, до всхлипа, до икоты.

— Ну будет-будет, — положил ему на плечо руку командир. — Всех не оплачешь, гляди-ка сколько накосила нынче старуха. И-и-и, проклятая, — по-бабьи вдохнул он. — Давайте-ка, ребятки, работать. Оружие собрать, раненых вынести, ну а мертвых соберет похоронная команда.

Больше в тот день атаки не было, хотя, как понял потом Амир, фашисты — дисциплинированные. Атакуют-отойдут и так до трех раз, потом ужин и спать, а утром вновь со свежими силами.

Пошли спать и наши бойцы.

А слезы эти были первыми и последними, во всяком случае на людях. Сердце не очерствело, нет, наверное, закалилось, да и некогда было плакать и хоронить, нужно отбивать атаки.

А дальше был многодневный ад. День и ночь били пушки, минометы, стреляли из всех видов оружия, били наповал и насмерть, раненые кричали, кричали и фашисты, оголтелые в своей ненасытности одолеть, добраться до солдат, рвать их, крушить, кромсать ножами и штыками. Крик, вопль и тишина-а-а.

И вновь крики, стрельба. Сыпал сверху снег, накрывая весь этот ужас. На белую простынь сыпались сверху пули, наши летчики тоже падали с неба, загораясь как факелы. Безусые командиры, боясь и оттого становясь горластыми, орали команды, а иные, прикрывая головы руками на дне окопа, в беспамятстве шептали: «Мама, мамочка!», призывая на помощь как в детстве ту, которая придет и спасет от кошмара. Лишь несколько офицеров и солдат, прошедших Испанию и Халхин-Гол, не давали повернуть назад, убежать, спрятаться.

— Ребятюшки, ну надо.

— Солдат ты или баба?

— А ну встать, взять оружие!

— Вперед, вперед, ребята.

Одному — матерок, другому — в зубы, третьему — лас-

ково, по-отечески, призывали они и таки переломили страх, повернули солдаты оружие против врага, взяли себя в руки. Солдат — это не форма на плечах, не военная выправка и удаль, это — дух, умение подчиняться. И эту науку впитывали они сегодня, одолевая врага.

Наконец противник отступил, но не ушел, а затаился, копя силы. Выдохся. Выдохлись и наши. Похоронная команда отправилась выполнять свое скорбное дело, санитары подбирали раненых, а остальные взмокшие, осипшие и охрипшие, повалились на дно окопа. Но отдыхать им долго не пришлось. Лишь восстановили дыхание да выпили по кружке ледяной воды, вновь команда:

— Встать! Привести себя в порядок, собрать оружие, пересчитать боеприпасы и приготовиться к отражению атаки.

Тяжело было Амиру в первые дни войны. Внешне армия сохраняла порядок, командиры четко отдавали команды, солдаты подчинялись, тихо матерясь. Тех, кто игнорировал приказы, сажали под арест в приспособленную под это дело землянку дожидаться особистов. И последним, как ни странно, завидовали, это тебе не в холодном окопе морозиться, сиди себе и посвистывай, однако зависть скоро сменилась очередным ужасом, когда взрослого мужика, попытавшегося перебраться на сторону врага с припасенной белой тряпичей, прямо перед строем расстреляли за измену родине. Как он рыдал перед этим, стоя на коленях, пытался хватать за ноги командира, торопясь и размазывая слезы, рассказывал

о троих ребятишках, оставшихся дома, кричал и рвал на себе рубаху. Дрогнули сердца многих, пошел ропот по рядам, а там уже вообще невозможное для строевого порядка — выкрики: «не убивайте, дайте искупить».

— Красная армия не убивает никого. Она карает за невыполнение приказа и нарушение воинского устава, — громовым голосом отчеканил Андрей Васильевич. — Вот он — трус и предатель. Если бы ему удалось совершить задуманное, то сегодня он стрелял бы в вас. Так что никакой пощады изменнику Родины. Заряжай! Товсь! Пли! — дал команду.

Тело несчастного потом присыпали снежком, копать могилу в расползающейся осенней жиже не хотелось, да и не получилось бы. Земля была вязкой, сколько ни черпай, не вычерпаешь.

«Наверное, это было правильно, — думал Амир, искоса поглядывая на суровое лицо командира. — Если бы его не расстреляли, другие бы тоже побежали. Ойпырмай³⁴, как они не боятся бежать на ту сторону?»

Саида

То ли сон, то ли воспоминание: она стоит посередине бескрайной степи и вглядывается в бегущего к ней ребенка. Да это же Абай, сынок, семенит короткими ножками, торопится к ней, раскрылил руки для объятия, и широкая улыбка радуется, топчет ее сердце в нежности, как кусочек масла на ско-

³⁴ Восклицание

вородке. Но нет, черты лица ребенка расплываются и оказывается, что это не сынок, а младший братишка Ерсин, похороненный в казахских степях, умерший от голода ребенок, даже не понявший в чем его вина, почему так жестоко с них обошлись.

— Ерсы-ы-ын, — кричит она, тот на миг останавливается и... тает, махая ей рукой на прощание.

«Бисмилляхи-Рахмани-Рахим», — шепотом молится она, лежа без сна и прислушиваясь к дыханию своих деток. Потом торопливо встает и начинается новый день. Теперь она уже не берет с собой маленького Абая на ферму, холодно. Затапливает печурку. Как семье фронтовика им выделили дрова на зиму, но надо их беречь, зима длинная, а проклятой войне нет конца и края.

«Вон немец уже под Москвой, что-то дальше будет. Лишь бы уцелел мой родименький. Но плакать некогда, надо браться за дела», — бежит на утреннюю дойку, опоздать нельзя. Вчера из райцентра уполномоченный приезжал, сказал страшное слово: «саботаж». Поначалу не поняла, потом растолковали ей, что если работу не сделаешь вовремя и хорошо, посадят в тюрьму, а деток отправят в детдом. «Құдай сақтасын»³⁵, — опять обращается Саида к Всевышнему. И бегом на работу. После дойки опять домой, покормить малых, двух баранчиков, да с пяток кур. И вновь на ферму. Вечером только и успеешь поцеловать детей, вдыхая их теплый

³⁵ Спаси и сохрани

запах. Самая последняя дойка уже поздно вечером, когда от тяжелых бидонов да вил с кормами руки отваливаются, даже чайник поднять — непосильное дело. Старшая Нуриля легко справляется с малышом, обихаживает его, как хорошая нянька. Пару раз на дню забежит тетя Маша.

— Ну, как вы тут детки? Надежда, Толик не балуется? А то давайте ко мне, — командует она.

Иной раз и соберутся, когда дома страшно становится, когда из всех углов лезут черные тени, норовя утащить за собой. Тогда Нуриля начинает громко разговаривать, показывая, что ни чуточки не боится. Обманывает их, «обращаясь» к родителям:

— Папа, мама, посмотрите, как Абайчик поднимается и даже уже может стоять.

Тени пугаются мамы с папой и уползают в свои углы, сидят там тихо-тихо, а Нуриля показывает им маленький кулачок — а ну я вас!

Письма идут, но не регулярно, то нет по месяцу-два, то свалятся сразу пять или больше. Муж подробно рассказывает как живут-воюют.

«А вчера мы поели настоящий бешбармак, — пишет он. — Нас, казахов, в роте много, мы все обрадовались. Даже наши однополчане, кто ни разу такого не пробовал, признались, что это самое вкусное блюдо. А я сразу вспомнил о тебе, родная. Как вы там? Не голодаете? Ждите, скоро разобьем врага, и сразу домой». Она думает: «Ну, если солдат

бешбармаком кормят, и они гонят фашистов, значит, не все так плохо, приедут скоро домой, и будет у нас праздник». Так и засыпает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.